

Лауреаты и дипломанты 8 всероссийского конкурса гражданской лирики
имени Н.А. Некрасова

Марина Кулакова (г. Нижний Новгород)

СТРОЮ ДОМ

Я строю дом.
Казалось, не под силу.
Но строю дом – и собираю силу,
чтоб строить дом – по капле, по строке.
Невдалеке, на Волге и Оке.
... Мне говорили: не поднять, не смочь.
Ни навыка, ни денег, ни машины.
Ни крепкого надёжного мужчины...
Какой резон? Всего не превозмочь.

Я строю дом на правом берегу.
Хотя живу и родилась на левом.
По каплям, что коплю и берегу,
я строю дом на правом берегу.

Я строю дом. Как мало,
 мало денег!
Но не из денег строятся дома.
Растает снег. Растает тьма и тени, –
сомнений тени. Кончится зима.

Я строю дом. Уже готов фундамент.
Вокруг него ромашковый орнамент.
Большое поле. В трёх шагах – река.
Я строю дом. Когда меня не станет –
здесь будут дети, травы. облака.

Жить на земле должны учиться в школе.
И строить дом должны учиться в школе.
Я строю дом

 почти что в чистом поле.
Его эскиз я в сердце берегу.

Не только по своей – по Божьей воле
я строю дом на правом берегу.

Я строю дом. И я его построю.
Моя мечта становится сестрою
и говорит: «Давай, я помогу».
Мы строим дом на правом берегу.

Земля живыми ливнями полита.
Не тяжелы ей плиты арболита:
Они деревьям и земле сродни.
Я строю дом.

Так протекают дни.

Когда, свой дом под крышу подводя,
его я укрываю от дождя,
как существо растущее, живое,
я чувствую, что я его построю,
и никогда не брошу, уходя...

Я никогда не струшу и не брошу,
а буду жить, как тыщу лет назад,
и буду строить, и со мной – Алёша
и Женя, Дима и Серёжа,
и Макс, и Настя, и Катюшка тоже,
и Галя, Юра, Соня, Аня, Маша,
Олег и Ольга, Павел и Нурмат.

Сердечно благодарна я Рустаму.
И никогда я верить не устану
в высокий берег, в новый дом и сад.

Я строю дом. Закладываю сад.
Среди зимы
не я одна, а мы –
мы видим: между Муромом и Мызой
он возникает китежской репризой
и будет жить, как тыщу лет назад –

по воле Бога и природы дикой –
земля любовью полнится великой,
и в разнотравье зреет земляника,
и слышен ягод тихий аромат.

Константин Кравцов (г. Переславль-Залесский)

ЗВЁЗДЫ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

Звезда заветная да остов колокольни
в Тюмени где-нибудь, ямщик в степи да сны
про берег Дона, ветку клёна, но на кой мне
огни Ростова той ещё страны?

Дым над водой, Луна над маслобойней*,
звезда Полюнь, планета Колыма
и Люська, незаконная комета...

Сума, тюрьма, пустые закрома,
барак на берегу замёрзшей Леты,
застой, быть может, может – смерть сама,
но лето на дворе – Господне лето,
и тьма по всей земле – Господня тьма.

* Гефсиманией.

Алексей Пурин (г. Санкт-Петербург)

СТРОФЫ

*...как броненосец в доке,
Россия отдыхает тяжело.
О. Мандельштам*

Петербургское небо, как прежде, дождливо,
хоть уже не поют «Ермака»,
и штыки не блестят, и иного разлива –
черноморского – нынче тоска.

Но страна, тяжело отдыхавшая в доке,
распугав атташат над Невой
(знать, свершились одной ей вменённые сроки!),
броненосцем становится в строй.

И нелепо рядить о раскладах и видах,
восхваляя кого-то, виня, –
о страданиях чьих-то и чьих-то обидах, –
не о том леденеет броня!

Небо сумрачно. Море темно и жестоко.
И чернилами плачет февраль.
Но страна-броненосец выходит из дока,
расчехляя слепящую сталь.

Никому не известно – во зло ли, во благо?
Такова по природе своей.
И слова наши – «доблесть», «безумство», «отвага» –
не понятны сверкающей ей.

2023

Галина Булатова (г. Тольятти)

ПУШКИН

Вольной русской речи
Катится река.
Александр Сергеич,
Я – издалека.

Знаю из рассказов,
Писем и картин:
Вы – голубоглазый

Смуглый господин.

Воспеватель воли
И дитя до слёз
В русом ореоле
Вьющихся волос.

Пишут, что не шибко
Рослый – пять вершков.
Но хронист ошибся:
Вы на сто голов

Выше даже века,
Смявшего звезду...
Вот сирени ветка,
Как у Вас в саду.

Стало быть, пригожий
Этот райский сад
Оказался горше,
Чем Дантесов ад.

Не сломала срока
Магия камней:
Подчинились року
Ваши семь перстней.

Там, от Чёрной речки,
Обжигая лёд,
Вольной русской речи
В жилах кровь течёт.

Никита Брагин (г.Москва)

РОЖДЕСТВО ТРИДЦАТЫХ

Новый год, но не праздник, а просто
суета и сплошные дела.
Только ель двухметрового роста
одиноко глядит из угла,
а гирлянды, снежинки, игрушки
тихо спят под пуховой подушкой,
как под белой периной трава,
а вокруг расторопно и бойко
генеральная чистка и мойка
за неделю до Рождества.

За неделю до праздничной ночи,
на последней седмице поста
будет выметен мусор с обочин
всех дорог – от звезды до креста,

с перекрёстков разорванных судеб,
площадей, где целуют и судят,
и вокзалов, ревущих навзрыд.
Будет память и чистой, и вольной
тем, кто сгинул на трактах и в штольнях,
и в промёрзшей щебёнке зарыт.

И придёт Рождество незаметно,
сокровенно, как тайная весть,
как надежда во тьме предрассветной,
и поклон всем, кто были, и есть,
кто прошёл через годы потопа,
и, как древле жена протопота,
отвечал и помыслил – «добро».
Ныне в них обретается Слово,
и в купель окунуться готово
потаённых крестов серебро.

Лариса Желенис (г. Ярославль)

О МОЁМ ДЕТСТВЕ

Мне не вспомнить теперь,
как плывут облака над Донбассом,
как волнуется ветер весенний, лаская листву
в том дворе, где асфальт
белым мелом расчерчен на классы,
в том дворе, в той стране,
где давно я уже не живу.
Но причудлива память,
и вновь пятилетней девчонкой
раскопает в песке вдруг
за стёклышком хрупкий секрет:
побегу, малышня, в детский садик
за мамой вдогонку,
а отец во дворе
поправлять будет велосипед.
Это детство моё,
мой товарищ по садику Вовка –
зеленеют коленки, кузнечиком скачет за мной, –
к тёте Маше спешим,
где из крана шипит газировка.
Где-то жгут старый мусор,
и вовсе не пахнет войной...

Мария Махова (г. Иваново)

БАБА ЛЮБА

На дороге пни да кочки, да высокая трава...

В кружевном идёт платочке, шепчет тихие слова,
собиралась будто в гости, выходила до росы,
ну а кто там, на погосте? – на погосте муж и сын.

По траве или по снегу, вдоль холмов и быстрых рек
век идёт за ней по следу, и самой ей скоро век;
баба Люба, баба Люба, собирается гроза,
всё ей сказочно и любо, да проплаканы глаза.

А поднимет очи к небу – сердцу радостно в груди,
у кого душа ослепла, тот на небо не глядит,
жизнь не выпадет другая, голова белым-бела,
пролетела птичья стая, за собой не позвала.

Листья падают с деревьев, до погоста три версты,
три избы всего в деревне, дальше поле да кресты,
что там было, то и было, для потерь не хватит свеч,
целый век я здесь гостила, дай, Господь, уже прилечь.

Щепочку положит в печку, снимет гребень с головы,
у иконы тает свечка, за окошками ковыль,
а какой там день недели – принимай, коль будет дан...
С фотографии, в шинели, строго смотрит муж Степан.

Ночь заходит на крылечко, лунный отблеск на окне,
спи-усни, моё сердечко, все-то встретятся во сне
у родимого порога, где никто не горевал,
да белым-бела дорога, да белым-бела трава...

Выносили бабу Любу, завернули в простыню,
в небесах играли трубы, собирая всю родню,
пел ей песенку простую ветер про былые дни,
незабудку голубую ангел с неба уронил.